

**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ/PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY,
PHILOSOPHY OF CULTURE**DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.167.40> EDN: SYPHFH**«ХУДОЖЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫЙ РАЗУМ» М.М. БАХТИНА: ОТ ЭСТЕТИКИ СЛОВЕСНОГО
ТВОРЧЕСТВА К ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ**

Научная статья

Беляева У.П.^{1,*}, Алтухова А.А.², Немчинова Л.А.³¹ ORCID : 0000-0002-3057-537X;^{1, 2, 3} Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ulyana.sinic[at]gmail.ru)

Предложена: 20.03.2026; Принята: 23.04.2026; Опубликовано: 18.05.2026

Аннотация

Статья посвящена анализу философского содержания бахтинской эстетики словесного творчества в перспективе ее перерастания в философию культуры. Обосновывается тезис о том, что творчество М.М. Бахтина образует целостный мыслительный проект, который нельзя сводить ни к частной литературоведческой теории, ни к отдельным положениям философии диалога. В центре внимания находится особый тип рациональности, определяемый в статье как художественно-гуманитарный разум. Показано, что его формирование связано с ранней философией поступка, эстетикой автора и героя, а также с последующим развитием категорий диалогизма, хронотопа, полифонии и карнавальной культуры. Доказывается, что у Бахтина эстетическое выступает не внешней сферой по отношению к философии, а способом раскрытия человека, слова и культуры в их событийной, ценностной и коммуникативной взаимосвязи. Особое внимание уделяется тому, что бахтинское понимание слова как адресованного, ответного и принципиально незавершенного явления создает основания для трактовки культуры как пространства диалогических смысловых отношений. В результате делается вывод, что переход от эстетики словесного творчества к философии культуры в наследии Бахтина представляет собой внутренне закономерное развертывание единого проекта гуманитарного мышления, сохраняющего высокую методологическую продуктивность для современной философии культуры.

Ключевые слова: Бахтин, философия культуры, эстетика словесного творчества, диалогизм, художественно-гуманитарный разум, философия поступка, хронотоп, полифония.

**M.M. BAKHTIN'S "ARTISTIC AND HUMANISTIC MIND": FROM THE AESTHETICS OF VERBAL
CREATIVITY TO THE PHILOSOPHY OF CULTURE**

Research article

Belyaeva U.P.^{1,*}, Altukhova A.A.², Nemchinova L.A.³¹ ORCID : 0000-0002-3057-537X;^{1, 2, 3} Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan, Lipetsk, Russian Federation

* Corresponding author (ulyana.sinic[at]gmail.ru)

Suggested: 20.03.2026; Accepted: 23.04.2026; Published: 18.05.2026

Abstract

The article analyses the philosophical content of Bakhtin's aesthetics of verbal creativity in the context of its evolution into a philosophy of culture. The thesis is put forward that M.M. Bakhtin's work forms a coherent intellectual project which cannot be reduced either to a specific literary theory or to individual tenets of the philosophy of dialogue. Particular attention is paid to a specific type of rationality, defined in the paper as the artistic-humanistic mind. It is demonstrated that its development is connected with the early philosophy of action, the aesthetics of the author and the hero, as well as with the subsequent development of the categories of dialogism, chronotope, polyphony and carnival culture. It is demonstrated that, for Bakhtin, the aesthetic is not an external sphere in relation to philosophy, but a means of revealing the human being, the word and culture in their event-based, value-based and communicative interrelationship. Special attention is paid to the fact that Bakhtin's understanding of the word as an addressed, responsive and fundamentally unfinished phenomenon provides the basis for interpreting culture as a space of dialogical semantic relations. Consequently, it is concluded that the transition from the aesthetics of verbal creativity to the philosophy of culture in Bakhtin's legacy represents an internally consistent unfolding of a unified project of humanistic thought, which remains highly methodologically productive for contemporary philosophy of culture.

Keywords: Bakhtin, philosophy of culture, aesthetics of verbal creativity, dialogism, artistic and humanistic mind, philosophy of action, chronotope, polyphony.

Введение

Творчество М.М. Бахтина занимает в истории русской мысли особое место именно потому, что не укладывается в границы одной дисциплины. Его обычно читают либо как теоретика романа, полифонии и диалогизма, либо как

оригинального философа поступка и ответственности. Между тем внутренняя логика его наследия значительно шире этих исследовательских привычек. Она указывает на формирование особого типа рациональности, который можно определить как художественно-гуманитарный разум. Речь идет о таком способе мышления, в котором эстетическая форма не противопоставляется философии как внешней ей области, а становится привилегированной средой выявления человека, смысла, ценности и культурной событийности. Именно поэтому движение бахтинской мысли от ранних эстетико-философских построений к зрелым культурологическим интуициям следует рассматривать не как тематическое смещение, а как последовательное раскрытие единого проекта.

Актуальность подобной постановки вопроса связана с тем, что современная философия культуры вновь обращается к проблемам диалога, символической множественности, историчности смысла и границ монологического разума. В этом контексте Бахтин оказывается важен не только как классик литературоведения, но и как мыслитель, предложивший модель гуманитарного познания, в которой понимание, событие, слово и культура образуют внутренне связанную архитеконику. Не случайно в новейших интерпретациях подчеркивается, что поздняя известность Бахтина долго заслоняла фундаментальную роль его ранних текстов по философской антропологии и эстетике, где уже содержится ключ к целому его наследия [6]. В другой работе отмечается, что Бахтин не спешил именовать свою систему «философией диалога», предпочитая формулы «нравственная философия» и «эстетика словесного творчества», хотя именно его идеи вошли в состав этого широкого философского направления [7].

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, каким образом бахтинская эстетика словесного творчества перерастает в философию культуры и почему это перерастание следует понимать как развертывание особой формы разума, ориентированной не на отвлеченное тождество понятий, а на событийную полноту человеческого бытия в слове и культуре. Научная новизна работы связана с интерпретацией бахтинского наследия через категорию «художественно-гуманитарного разума», позволяющую связать раннюю философию поступка, эстетические построения 1920-х годов и поздние культурфилософские идеи о диалоге, хронотопе и «большом времени».

Основные результаты

Ранний Бахтин исходит из критики отвлеченного теоретизма, который не в состоянии схватить единственность и невосполнимость человеческого участия в бытии. Именно здесь складывается то напряжение между живым событием и обезличенной схемой, которое затем будет сопровождать всю его мысль. А.А. Гусейнов, интерпретируя бахтинскую нравственную философию, подчеркивает, что формула «быть — значит поступать» выражает не частный этический тезис, а исходное онтологическое убеждение мыслителя [1, С. 5]. В продолжении этой логики он пишет, что первая философия у Бахтина приобретает нравственный характер именно потому, что человеческое существование не может быть понято вне ответственного акта участия [2, С. 65]. Уже на этом этапе видно, что Бахтин ищет такой тип мышления, который был бы способен удерживать конкретность, ценностную вовлеченность и событийность без растворения их в абстракции.

Однако путь к этой задаче проходит у него через эстетику. На первый взгляд здесь возникает парадокс: почему философия, претендующая на осмысление бытия человека, обращается к художественной форме? Ответ заключается в том, что для Бахтина именно в эстетическом отношении обнаруживается структура человеческой вневходимости, соотносительности с другим и формы завершения. Художественное не сводится у него к области прекрасного или к описанию литературных приемов. Оно становится моделью выявления человека как существа, существующего на границе между внутренним переживанием и внешним смысловым оформлением. В этом контексте особенно показательна современная оценка раннего трактата «Автор и герой в эстетической деятельности». Н. Бруффаэртс и С.А. Москвичева приводят характеристику, согласно которой бахтинская мысль есть «философия творения, размышление о тайнах, присущих тому, как Бог создает людей и как люди создают себя», причем литературное авторство выступает здесь парадигмой более общего акта созидания [6, С. 68]. В этой формуле содержится принципиально важный момент: эстетика словесного творчества у Бахтина оказывается не приложением к литературе, а способом философского мышления о человеке.

Отсюда возникает и особый статус слова. Бахтин мыслит словесное творчество не как один из культурных жанров наряду с другими, а как пространство, в котором с максимальной отчетливостью раскрывается человеческая событийность. Слово у него не вещь и не нейтральный знак. Оно изначально обращено, ответно, насыщено чужими голосами и ценностными интонациями. Поэтому гуманитарное познание не может строиться по образцу естественнонаучного наблюдения. Его предмет не молчит. Он говорит, отвечает, вступает в отношения, сохраняет следы других голосов. Именно в этом смысле Бахтин позднее утверждал, что человека нельзя изучать как «безгласную вещь» и что понимание в гуманитарных науках имеет диалогическую природу. В современной бахтиноведческой литературе это обстоятельство все чаще рассматривается как признак не просто литературоведческой методологии, а более широкой философии гуманитарного знания [10].

На этом фоне становится яснее, почему эстетика словесного творчества постепенно перерастает у Бахтина в философию культуры. Если слово всегда уже находится в пространстве чужих голосов, жанровых ожиданий, ценностных горизонтов и исторической памяти, то и культура должна мыслиться не как совокупность завершенных форм, а как живая среда соотносительности и смыслового ответа. Диалог в таком случае перестает быть частным приемом литературного анализа и становится онтологической и культурной категорией. В. Т. Фаритов, характеризуя философские аспекты бахтинского творчества, связывает их с «онтологией трансгрессии», то есть с постоянным выходом за границы замкнутой самотождественности [5, С. 140]. Эта формула продуктивна для нашей темы, поскольку художественно-гуманитарный разум у Бахтина действительно строится как разум перехода, границы, встречи с другим. Он не отменяет форму, но понимает ее как открытую, обращенную и незавершенную.

Поэтому бахтинская эстетика имеет культурфилософское продолжение не вопреки своей литературной конкретности, а благодаря ей. Исследование романа, полифонии, смеховой культуры или хронотопа есть у Бахтина не

уход от философии, а изменение ее языка. И. Дворкин справедливо замечает, что обращение Бахтина к словесному искусству было связано не только с внешними историческими обстоятельствами, но и с внутренней логикой его мышления, для которого именно вербальное искусство стало способом выразить уже сложившиеся философские основания [7]. В этой точке можно говорить о формировании художественно-гуманитарного разума как особой эпистемической установки. Такой разум не отказывается от понятности, но признает, что истина человека и культуры не исчерпывается понятийной фиксацией. Она раскрывается в событии смысла, где встречаются голос, форма, адресованность и историческая дистанция.

Это особенно заметно в бахтинской концепции диалогизма. В популярных интерпретациях диалогизм нередко сводится к коммуникации между субъектами или к признанию плюрализма точек зрения. Но в действительности у Бахтина он имеет гораздо более глубокий смысл. Диалог — это не просто обмен репликами, а форма бытия смысла, который не совпадает с самим собой и не может быть окончательно замкнут в одном сознании. В статье о диалогической теории Бахтина как форме взаимодействия культур подчеркивается, что для него диалог проявляется и между различными знаковыми системами, а потому является собственно культурным феноменом [10]. Тем самым эстетика словесного творчества выводит к идее культуры как пространства незавершенных смысловых отношений.

С этим напрямую связано и бахтинское понимание хронотопа. Первоначально эта категория разрабатывается в анализе романа, но ее значение быстро выходит за пределы поэтики. Хронотоп позволяет увидеть, что культура организует опыт не только через значения, но и через определенные формы сплетения времени и пространства, в которых человек осознает себя и других. В более поздних исследованиях хронотоп закономерно стал использоваться для анализа нарративных и культурных форм за пределами собственно литературоведения. Дж. Лоусон пишет, что хронотоп раскрывает пространственно-временную основу нарративов, претендующих на истинностную значимость [8, С. 384]. Для нашей темы существенно то, что подобное расширение было бы невозможно, если бы бахтинская теория оставалась только эстетикой в узком смысле. На деле она уже содержит философию культурной формы, в которой художественное выступает моделью организации человеческого мира.

То же можно сказать о бахтинском анализе смеховой культуры и карнавала. Здесь перед нами не просто историко-литературная реконструкция ренессансной народной культуры. Бахтин обнаруживает особый режим культурной истины, в котором официальные иерархии, завершённые идентичности и дистанции между высоким и низким временно снимаются. Карнавал важен для него потому, что демонстрирует принципиальную незавершённость человека и культуры, их подвижность, телесность и открытость становлению. Современные интерпретации этой темы подчеркивают, что карнавальное у Бахтина нельзя сводить к празднику нарушения норм; оно связано с более глубокой критикой закреплённой формы и с поиском исторически действительного образа коллективной свободы [9]. Следовательно, и здесь эстетическая категория перерастает в культурфилософскую.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о метафизическом статусе бахтинской мысли. Иногда ее описывают как принципиально антиметафизическую, поскольку она направлена против завершённых систем и отвлеченного монизма. Однако точнее было бы говорить о своеобразной «пограничной» метафизике, которая избегает жесткой системности, но не отказывается от предельных вопросов о бытии, личности, истине и культуре. В.В. Сербиненко, размышляя о присутствии и отсутствии русской метафизики, замечает, что обращение к Бахтину позволяет увидеть возможность философствования, в котором «чисто философские» вопросы не исчезают, хотя и ставятся вне традиционной спекулятивной схемы [3, С. 136]. В этом смысле «художественно-гуманитарный разум» Бахтина можно определить как форму метафизически нагруженного гуманитарного мышления, где предельное открывается через эстетическое, а культурное — через слово.

Здесь становится понятным и более позднее влияние Бахтина. Его идеи о диалогизме, авторстве, полифонии, хронотопе и смеховой культуре оказались востребованы в культурологии, философии, антропологии, исторической географии, теории медиа и социальных исследованиях. М.Г. Соколянский, сопоставляя Бахтина и Винокура, показал, что речь идет не просто о двух подходах к поэтике, а о разных моделях гуманитарной рациональности [4]. Именно эта рациональность и составляет, на наш взгляд, ядро бахтинского проекта. Ее нельзя свести ни к литературоведению, ни к отвлеченной философии. Она возникает на их пересечении и потому оказывается особенно значимой для философии культуры, которая всегда имеет дело с формами осмысленного человеческого мира, а не с безгласными объектами.

Заключение

Переход от эстетики словесного творчества к философии культуры в наследии М.М. Бахтина следует понимать как внутренне закономерное развертывание единого мыслительного проекта. Его основой является не заимствование философией отдельных литературоведческих понятий и не превращение поэтики в универсальный язык описания культуры. Речь идет о формировании художественно-гуманитарного разума, способного мыслить человека, слово и культуру в их событийной, ценностной и диалогической взаимосвязи.

Такой разум строится на нескольких принципиальных установках. Он исходит из первичности ответственного участия перед отвлеченной схемой, признает слово привилегированной формой гуманитарной реальности, понимает истину как возникающую в пространстве обращенности и не допускает окончательного завершения личности и культуры. Именно поэтому эстетические категории у Бахтина неизбежно перерастают в культурфилософские. Автор и герой, полифония, хронотоп, диалог, карнавал, смеховая культура — все эти понятия описывают не только художественные явления, но и фундаментальные режимы человеческого бытия в культуре.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Гусейнов А.А. Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина). Статья первая: Быть — значит поступать / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. — 2017. — № 6. — С. 5–15.
2. Гусейнов А.А. Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина). Статья вторая: Первая философия как нравственная философия / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. — 2017. — № 7. — С. 65–74.
3. Сербиненко В.В. О присутствии и отсутствии русской метафизики / В.В. Сербиненко // Вопросы философии. — 2017. — № 8. — С. 131–145.
4. Соколянский М.Г. М. Бахтин и Г.О. Винокур: два подхода к научной поэтике / М.Г. Соколянский // Russian Literature. — 1998. — № 2. — С. 227–239. — DOI: 10.1016/S0304-3479(98)90005-9
5. Фаритов В.Т. Философские аспекты творчества М. Бахтина: онтология трансгрессии / В.Т. Фаритов // Вопросы философии. — 2016. — № 12. — С. 140–149.
6. Bruffaerts N.S. Bakhtin's Philosophical Anthropology in Translation: Rhetoric Devices and Text Cohesion / N.S. Bruffaerts, S.A. Moskvitcheva // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2024. — № 1. — P. 64–77. — DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-64-77
7. Dvorkin I. Rosenzweig and Bakhtin. Hermeneutics of Language and Verbal Art in the System of the Philosophy of Dialogue / I. Dvorkin // PFUR Journal of Philosophy. — 2022. — № 3. — P. 537–556. — DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-3-537-556
8. Lawson J. Chronotope, Story, and Historical Geography: Mikhail Bakhtin and the Space-Time of Narratives / J. Lawson // Antipode. — 2011. — № 2. — P. 384–412. — DOI: 10.1111/j.1467-8330.2010.00853.x
9. Sheckels T.F. Bakhtin's Carnavalesque: A Reconsideration Based on the BLM Demonstrations of 2020 and the Storming of the U.S. Capitol in 2021 / T.F. Sheckels // American Behavioral Scientist. — 2023. — № 5. — P. 665–680. — DOI: 10.1177/00027642211062870
10. Zakaryan H. The Dialogical Theory of M.M. Bakhtin as a Form of Interaction of Cultures / H. Zakaryan // Bulletin of Yerevan University. Philosophy, Psychology. — 2023. — № 3. — P. 29–39. — DOI: 10.46991/BYSU:E/2023.14.3.029

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gusejnov A.A. Filosofiya postupka kak pervaya filosofiya (opyt interpretacii нравственной философии М.М. Бахтина). Stat'ya pervaya: Byt' — znachit postupat' [The Philosophy of Action as First Philosophy (An Interpretation of M.M. Bakhtin's Moral Philosophy). Article One: To Be Means to Act] / A.A. Gusejnov // Questions of Philosophy. — 2017. — № 6. — P. 5–15. [in Russian]
2. Gusejnov A.A. Filosofiya postupka kak pervaya filosofiya (opyt interpretacii нравственной философии М.М. Бахтина). Stat'ya vtoraya: Pervaya filosofiya kak нравственная философия [The Philosophy of Action as First Philosophy (An Interpretation of M.M. Bakhtin's Moral Philosophy). Article Two: First Philosophy as Moral Philosophy] / A.A. Gusejnov // Questions of Philosophy. — 2017. — № 7. — P. 65–74. [in Russian]
3. Serbinenko V.V. O prisutstvii i otsutstvii russoj metafiziki [On the presence and absence of Russian metaphysics] / V.V. Serbinenko // Questions of Philosophy. — 2017. — № 8. — P. 131–145. [in Russian]
4. Sokolyanskij M.G. M. Baxtin i G.O. Vinokur: dva podxoda k nauchnoj poe'tike [M. Bakhtin and G.O. Vinokur: two approaches to scientific poetics] / M.G. Sokolyanskij // Russian Literature. — 1998. — № 2. — P. 227–239. — DOI: 10.1016/S0304-3479(98)90005-9 [in Russian]
5. Faritov V.T. Filosofskie aspekty' tvorchestva M. Baxtina: ontologiya transgressii [Philosophical aspects of M. Bakhtin's work: the ontology of transgression] / V.T. Faritov // Questions of Philosophy. — 2016. — № 12. — P. 140–149. [in Russian]
6. Bruffaerts N.S. Bakhtin's Philosophical Anthropology in Translation: Rhetoric Devices and Text Cohesion / N.S. Bruffaerts, S.A. Moskvitcheva // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2024. — № 1. — P. 64–77. — DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-64-77
7. Dvorkin I. Rosenzweig and Bakhtin. Hermeneutics of Language and Verbal Art in the System of the Philosophy of Dialogue / I. Dvorkin // PFUR Journal of Philosophy. — 2022. — № 3. — P. 537–556. — DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-3-537-556
8. Lawson J. Chronotope, Story, and Historical Geography: Mikhail Bakhtin and the Space-Time of Narratives / J. Lawson // Antipode. — 2011. — № 2. — P. 384–412. — DOI: 10.1111/j.1467-8330.2010.00853.x
9. Sheckels T.F. Bakhtin's Carnavalesque: A Reconsideration Based on the BLM Demonstrations of 2020 and the Storming of the U.S. Capitol in 2021 / T.F. Sheckels // American Behavioral Scientist. — 2023. — № 5. — P. 665–680. — DOI: 10.1177/00027642211062870

10. Zakaryan H. The Dialogical Theory of M.M. Bakhtin as a Form of Interaction of Cultures / H. Zakaryan // Bulletin of Yerevan University. Philosophy, Psychology. — 2023. — № 3. — P. 29–39. — DOI: 10.46991/BYSU:E/2023.14.3.029